

Артур Шницлер

СУДЬБА БАРОНА ЛЕЙЗЕНБОГА

Аннотация

Новелла написана в 1903 году. Ее автор — крупный представитель венского импрессионизма. Проза и драматургия Шницлера приобрели широкую известность, были не раз экранизированы. В России его пьесы ставили В. Мейерхольд и А. Таиров. Шницлер в числе первых в немецкой словесности обратился к «внутреннему монологу», психологическому анализу. В его сочинениях всегда есть эпизод смерти какого-то персонажа и интерес к впечатлениям человека от реальности. Культ смерти взят из атмосферы эпохи, как часть мироощущения декаданса. Он прорвался даже в самые светлые книги писателя. Весной 1933 года в Германии массово жгли книги выдающихся отечественных писателей и авторов из Англии, Франции, США и других стран. В костер попали и сочинения Шницлера. Его творчество стало зеркалом венского общества первых трех десятилетий XX века. Почти все произведения писателя были переведены на русский язык.

Перу Шницлера принадлежат и такие произведения: «Предсказание», «Новая песня», «Чужая», «Прощальное письмо Андрея Тамейера».

Артур Шницлер

Судьба барона Лейзенбога

В один теплый майский вечер опять появилась на сцене Клара Гелль в роли «Королевы ночи». Всем была известна причина, по которой певица в течение целых двух месяцев не выступала в опере. Пятнадцатого марта князь Рихард Беденбрук упал с лошади и после нескольких часов страданий скончался на руках ни на минуту не отходившей от него Клары. Отчаянье Клары было настолько сильно, что сначала опасались за ее жизнь, потом за рассудок и до последней минуты за голос. Но третье опасение оказалось таким же неосновательным, как и предыдущие оба. Шумно и радостно приветствовала публика появление Клары, а после первой арии ее близким друзьям оставалось только принимать от всех поздравления. Весело сияло в четвертом ярусе галереи детски румяное личико Фанни Рингейзер, и почетные завсегдатаи первых рядов партера с улыбкой обменивались с ней взглядами, полными взаимного понимания. Они хорошо знали, что Фанни, несмотря на то, что была только дочерью Мариагильфского басонщика, принадлежала к тесному кругу знакомых обожаемой всеми певицы, часто бывала в доме у нее и даже любила покойного князя втайне. Фанни в антракте рассказывала своим друзьям, что это, только благодаря барону Лейзенбогу, Клара для своего первого выступления остановилась на выборе «Королевы ночи», находя, что темный наряд будет больше всего гармонировать с ее теперешним настроением. Барон занял место в первом ряду у оркестра и, как всегда, в углу. На приветствия знакомых он отвечал любезной или, скорее, грустной улыбкой. Много воспоминаний проносилось сегодня пред ним. Десять лет назад он узнал Клару впервые.

Покровительствуя артистической карьере одной молодой, рыжеволосой и стройной особы, он присутствовал на концерте классов пения Эйзенштейн, на концерте, где его протеже в первый раз выступала публично в партии Миньоны. Барон услышал тогда и Клару, певшую арию Филины в той же сцене. В то время ему, независимому и чуждому предрассудков, было только двадцать пять лет. И с этой минуты он оставил Миньону, попросил г-жу Натали Эйзенштейн представить его Филине и тут же сказал ей, что готов отдать в ее распоряжение свое сердце, состояние и связи в высшем кругу. Клара жила тогда с матерью, вдовой одного крупного почтового чиновника и влюблена была в юного студента-медика, с которым нередко и подолгу просиживала в его комнате в Альзерском предместье за чашкою чая и болтовней. Она отклонила настойчивые и страстные признания барона, но, благодаря клятвам в верности Лейзенбога, смягчилась и стала любовницей медика. Барон, от которого она не делала из этого тайны, вернулся опять к своей рыжей протеже, с Кларой же не прерывал знакомства. И при каждом удобном случае, придираясь к малейшему поводу или празднику, он присылал ей цветы и конфеты, а иногда даже появлялся и сам на приемах у вдовы почтового чиновника.

Осенью Клара приняла первый ангажемент в Детмольд. Барон Лейзенбог, в то время еще министерский чиновник, воспользовался первым рождественским отпуском, чтобы навестить Клару в ее новой резиденции. Зная, что студент-медик стал врачом и недавно женился на ком-то, он начал снова лелеять мечту, но Клара, как всегда, откровенная и прямодушная, в первую же минуту сообщила барону, что связана теперь нежными чувствами с тенором придворной оперы. Таким образом, Лейзенбог не мог вывезти из Детмольда никакого другого воспоминания, кроме невинной прогулки в пригородном лесу да ужина в театральном ресторане, в обществе нескольких певцов и певиц. Несмотря, однако, на все это, он потом не раз предпринимал поездку в Детмольд, радовался своим артистическим сердцем большому успеху Клары и возлагал надежды на будущий сезон, когда уедет тенор, приглашенный в Гамбург и даже уже подписавший контракт. Но и на этот раз ожидания его обманули, так как Клара нашла нужным поддаться ухаживаньям богатого голландского купца Луиса Фергайена. И когда потом, спустя год, она была приглашена в Дрезден, в придворную оперу, барон, несмотря на молодость, пожертвовал своей многообещающей служебной карьерой, и переехал в Дрезден. Здесь проводил он все вечера с Кларой и ее матерью, умевшей разыгрывать полное неведение в отношении связей дочери, и стал снова надеяться. У голландца, к сожалению, было очень неприятное обыкновение в каждом письме извещать возлюбленную о своем завтрашнем приезде и, предупреждая ее о том, что она окружена сонмом шпионов, грозить ужасною смертью, в случае ее измены ему. Но так как он все не являлся, а Клара приходила в состояние все большей и большей нервности, Лейзенбог решил во чтобы то ни стало положить этому конец и отправиться в Детмольд лично переговорить с голландцем. Последний, к большому удивлению барона, заявил, что он, просто из фантазерства, писал Кларе любовные и угрожающие письма и что для него ничто так нежелательно, в данный момент, как освобождение от каких бы то ни было обязательств. Счастливый, сияющий Лейзенбог возвратился в Дрезден и сообщил Кларе этот приятный для него результат переговоров. Та сердечно его поблагодарила, но сейчас же, с решительностью, удивившей барона, отклонила его первое проявление нежности. После нескольких прямых и настоятельных вопросов, она призналась ему, что в его отсутствие не кто иной, как принц Гаэтано, вдруг воспылил к ней сильнейшею страстью и поклялся, что наложит на себя руки, если она не уступит его мольбам. Естественно, что, в конце концов, она должна была сдаться, боясь повергнуть в ужасную печаль и двор, и страну. С разбитым сердцем

покинул Лейзенбог Дрезден и вернулся в Вену. Здесь он пустил в ход все свои связи в артистическом мире, охваченный желанием, чтобы Клара на следующий сезон была принята в венскую оперу. И вот она явилась сюда в октябре и после ряда блестящих гастролей получила ангажемент. Великолепная корзина цветов «от барона», которую она нашла в вечер первого дебюта в своей уборной, казалось, говорила о мольбе и надежде... Но, увы, вдохновенный жрец и поклонник, ждавший ее после представления, должен был снова с грустью узнать, что он опять опоздал. Белокурый пианист-аккомпаниатор, небезызвестный композитор романсов, — с которым Клара в последнее время кое-что разучивала, получил на нее права, и их она ни за что на свете не желала нарушить.

Прошло семь лет. Аккомпаниатора сменил Клеменс фон Родевиль, отважный наездник, его — капельмейстер Винцент Клауди, который, дирижуя оперой, так громко подпевал певцам, что иногда заглушал их пение, капельмейстера — граф фон Альбан-Ратони, проигравший в карты все свои венгерские имения и затем выигравший замок в Нижней Австрии. За графом последовал Эдгар Вильгельм, сочинитель балетов и трагедий, о которых сам был весьма высокого мнения и для постановки которых он нанимал Янштеатр. Его произведения, всегда написанные стихами, печатались прекраснейшим шрифтом в глупейшем столичном дворянском листке. Эдгара Вильгельма сменил субъект, именовавшийся Амандусом Мейером, — о нем, к сожалению, совершенно нечего было сказать, кроме того, что ему было всего девятнадцать лет и что он обладал очень красивую внешностью и фокстерьером, умевшим стоять на голове. Место Мейера не замедлил занять князь Рихард Беденбрук, один из изящнейших людей Австрии.

Клара никогда не считала нужным делать секретов из своих связей. Дом ее был обыкновенным бюргерским домом, в котором только часто менялись хозяева. Как певица, у публики она пользовалась исключительной любовью. В высшем свете очень ценилось то, что она ходит каждое воскресенье к обедне, исповедуется через каждые две недели, носит на груди, в виде амулета, освященного папою, образ Мадонны и, отходя ко сну, никогда не забывает молиться. Редкий благотворительный базар обходился без участия Клары, и как аристократки, так и дамы из еврейского финансового мира, считали за счастье торговать в одном киоске с ней. С очаровательной улыбкой она раскланивалась с юными поклонниками, поджидавшими ее у входа. Поднесенные ей цветы она раздавала терпеливой и восхищенной публике, и раз, когда цветы остались в уборной, Клара воскликнула, уходя и приятно растягивая по-венски: «Ах, Боже мой, я там у себя позабыла этот салат... Приходите ко мне завтра к вечеру, детки, кто желает еще что-нибудь получить...» И усевшись в карету, она выглянула в окно и, уже отъезжая, крикнула: «И по чашке кофе получите!»

В числе немногих, имевших смелость воспользоваться этим приглашением, была и Фанни Рингейзер. Клара как-то вступила с ней в шуточный разговор, осведомилась с благосклонной снисходительностью герцогини о ее семейном положении и вдруг почувствовала такое удовольствие от болтовни молодой и восторженной девочки, что пригласила ее придти опять. Фанни, конечно, приняла приглашение, и вскоре ей пришлось неожиданно занять в доме артистки почетное место, удавшееся приобрести главным образом потому, что в ответ на все откровенности Клары, она не позволила себе ни одной откровенности, ни одной фамильярности. Фанни в течение короткого времени получила целый ряд предложений, большей частью от молодых сыновей фабрикантов из Мариагильфа, с которыми обыкновенно танцевала на балах. Но она всех их отвергла, так как систематически влюблялась в поклонников Клары.

Князя Беденбрука Клара любила больше трех лет с обычною преданностью, но страстнее и глубже, чем его предшественников, и Лейзенбог, которого, несмотря на многочисленные неудачи, никогда не покидала надежда, начал серьезно опасаться, что счастье, которого он жаждал десять лет, совсем не улыбнется ему. Обыкновенно, начиная замечать, что ее благосклонность к кому-либо ослабевает, барон спешил расстаться со своей собственной любовницей, чтобы быть во всякий момент наготове. Так случилось и при неожиданной смерти князя Рихарда, но в этот раз это произошло у барона как-то скорей по привычке, чем намеренно. Горе Клары было так безгранично, что всем казалось, будто она навсегда распростилась с радостью жизни. Она ездила ежедневно на кладбище, украшала могилу цветами и, запрятав под спуд свои светлые платья, убрала в далекий ящик все драгоценности и украшения. Понадобились серьезные усилия, со стороны друзей, чтоб уговорить ее не бросать сцену.

После нового и блестящего появления в опере, жизнь Клары, по крайней мере наружно, приняла обычное течение. Прежний круг, временно отдалившихся знакомых, вновь собрался около нее. Явился и музыкальный критик Бернгард Фейерштейн, с обычными пятнами на сюртуке от шпината или томата, смотря по меню обеда, и, к нескрываемому удовольствию Клары, каждый раз обрушивался бранью на ее товарищей или директора. Двум двоюродным братьям князя Рихарда, Люцию и Христиану, она, по-прежнему, милостиво разрешала почтительно ухаживать за собой, и в дом ее были введены еще новые посетители: некто, служащий во французском посольстве и молодой чех, пианист-виртуоз. А десятого июня Клара поехала на скачки. Но, по выражению князя Люция, не лишенного поэтического дара, в ней стала пробуждаться только душа, сердце же, по-прежнему, оставалось погруженным в дремоту. И, действительно, при малейшем намеке кого-либо из ее новых или старых друзей на существующую в мире нежность и

страсть, улыбка сбегала с ее лица, взгляд заволакивался туманом, а безнадежный жест рукой, казалось, говорил: «О, как все в этом мире не вечно!»

Во второй половине июня северный певец Зигурд Ользе пел в опере партию Тристана. Его голос, быть может не безукоризненный по тембру, отличался силой и чистотой, в фигуре, при исполинском росте, замечалась некоторая склонность к полноте, а лицо, когда он молчал, было лишено особенного выражения, но стоило Зигурду запеть, чтоб в его серых глазах, настоящего стального оттенка, зажигался какой-то таинственный свет, и своим взором, равно, как и голосом, он опьянял и одурманивал всех, особенно женщин.

Клара сидела в ложе с товарищами, не участвовавшими в спектакле. Она одна казалась вполне равнодушной. На следующее утро в директорской ей был представлен Зигурд Ользе. Клара сказала ему несколько довольно холодных любезностей по поводу его вчерашнего исполнения. В этот же день, без всякого приглашения с ее стороны, он ей сделал визит. Здесь был в это время барон Лейзенбог и Фанни Рингейзер. Сели за чай. Зигурд стал рассказывать о своих родителях-рыбаках, живших в маленьком норвежском городке, о том, как чудесно и неожиданно был открыт у него голос одним путешественником-англичанином, приставшим на белой яхте к далекому фиорду, о своей жене итальянке, умершей во время свадебного путешествия в Атлантическом океане, о ее погребении в море... После его ухода все долго оставались в молчании. Фанни пристально уставилась в пустую чашку, Клара села к роялю и оперлась руками в его закрытую крышку, а барон, молчаливый и тревожный, весь ушел в решение вопроса, почему это Клара во время рассказа о свадебном путешествии Зигурда не сделала того безнадежного жеста рукой, жеста, который со смерти князя она делала при малейшем намеке на любовь, словно отрицая ее существование на земле.

Следующими партиями гастрольной программы Зигурда были «Зигфрид» и «Лоэнгрин». И каждый раз, сидя в ложе, Клара сохраняла свой прежний безучастно-равнодушный вид, певец же, не водивший до тех пор ни с кем знакомства, кроме служащих в норвежском посольстве, каждое послеобеденное засиживался у Клары, иногда без Фанни Рингейзер и всегда в присутствии Лейзенбога. Двадцать седьмого июня он в последний раз выступал в партии Тристана. С прежним бесстрастным видом сидела Клара в ложе. Утром следующего дня она поехала с Фанни на кладбище и возложила на могилу князя гигантских размеров венки, а вечером устроила раут в честь певца, завтра покидавшего Вену.

Круг друзей был в полном составе. Не ускользнуло ни от чьего наблюдения, что Зигурда охватила страсть к Кларе. По обыкновению, говорил он много и возбужденно. Между прочим, он раз- сказал, что во время его морского путешествия аравитянка, вышедшая замуж за одного из русских великих князей, предсказала ему по линиям руки, что для него скоро должна наступить роковая полоса жизни. Он твердо верил этому предсказанию, и суеверие в нем казалось чем-то большим желанья позировать. Рассказал он также о случае, впрочем, уже известном многим, случае, как в прошлом году во время его высадки с парохода в Нью-Йорке, куда он приглашен был на гастроли, и должен был уплатить огромную неустойку, если нарушит условие ангажемента, он, несмотря на все это, сел в тот же день и час на корабль, отходивший обратно в Еврону, потому только, что по сходням, мимо его ног пробежала черная кошка.

Судя по его словам, он имел полное основание верить в подобные странные приметы и предсказания. В один из вечеров, когда Зигурд пел в Лондоне, в Ковент- Гарденском театре, он позабыл произнести перед выходом заклинание, которое знал еще от своей бабки, и вдруг голос ему изменил. Потом как-то ночью, во сне ему явился крылатый дух, затянутый в розовое трико и объявил о смерти его любимого парикмахера и, действительно, на следующее утро бедняга был найден повесившимся. Кроме того Зигурд всегда носил при себе краткое, но многозначачее посланье, с которым обратился к нему однажды в Брюсселе на спиритическом сеансе дух умершей певицы Корнелии Лужан. Послание заключало в себе на чистейшем португальском наречии предсказание о том, что ему суждено сделаться величайшим певцом Старого и Нового Света. Когда он рассказал это, и когда из рук в руки стало переходить спиритическое письмо, написанное на розовой английской бумаге фабрики Глинвуд, волнение охватило все общество. И лишь лицо Клары оставалось, как всегда, бесстрастным и холодным, — она только раз, другой равнодушно кивнула рассказчику. Несмотря, однако, на это, тревога Лейзенбога росла и достигла высшей своей точки. Его пронизательному взору все ясней и ясней стала рисоваться картина грозящей опасности.

За ужином Зигурд вдруг почувствовал наплыв какой-то особенной симпатии к Лейзенбогу, — это случалось почти всегда с Клариными любовниками, — он пригласил барона в свое поместье у фиорда, близ Мольде и, под конец, предложил выпить «на ты». А Фанни Рингейзер, вздрагивавшая всем своим телом при малейшем обращении к ней Зигурда, бледнела и краснела под взглядом его больших стальных глаз. Когда же он заговорил о предстоящем отъезде, она громко и неудержимо расплакалась. Но и тут Клара продолжала оставаться спокойной и серьезной. Она еле отвечала на пламенные взоры Зигурда, не говорила с ним оживленнее, чем с другими и когда, наконец, он поцеловал ей руку, посмотрев на нее глазами, полными мольбы, обещания и отчаяния, в ответном взгляде ее стояла та же странная дымка, а черты были неподвижны по-прежнему. С ревностью и тревогой наблюдал это Лейзенбог. Когда же вечеринка пришла к концу, и все

стали прощаться друг с другом, Лейзенбогу пришлось испытать нечто совсем уж особенное, по своей неожиданности. Он последним из всех протянул Кларе руку, собираясь уйти, но она задержала его и шепнула: «Зайдите еще сегодня»... Барону показалось, что слух его обманул, но Клара еще раз сжала руку Лейзенбога и, приблизив рот к его уху повторила опять «Зайдите же... Через час я вас жду»... Почти шатаясь, словно одурманенный, вышел он на улицу с другими. И когда вместе с Фанни он провожал Зигурда до гостиницы, ему казалось, будто тот вслух мечтает о Кларе. Потом он повел Фанни к Мариагильфу по тихим уснувшим улицам, ночная прохлада которых струила приятный липовый аромат, и ему теперь, будто сквозь дымку, чудилось, как по детски-розовым щечкам Фанни сбегают наивные, глупые слезы... Потом он сел на извозчика и поехал к Кларе. Он увидел мерцающий свет сквозь оконные шторы ее спальни, заметил, как промелькнула тень Клары и вдруг меж гардин показалась и выглянула ее голова... Итак, это не сон: она ждет его...

На следующее утро барон поехал в Пратер верхом. Он чувствовал себя молодым и счастливым. Ему казалось теперь, что именно в позднем удовлетворении страсти кроется настоящий, особенный смысл. Все пережитое нынешней ночью было поразительной, дивной случайностью, пополнением прошлого и необходимым завершением прежних его отношений к Кларе. Теперь он чувствовал, что иначе и быть не могло и стал строить планы близкого и отдаленного будущего. — «Долго-ли она еще пробудет на сцене»? — думал он. — Вероятно, не больше четырех, пяти лет... И тогда только, но никак не раньше, мы повенчаемся... Мы поселимся в деревне, близко, близко от Вены, может быть, в Сан-Файте или хоть в Лайнце... Там куплю я или лучше построю по ее вкусу дом, небольшой дом... Жить мы станем уединенно, но зато будем много путешествовать... Поедем в Испанию, в Египет, в Индию»...

Так мечтал Лейзенбог, пуская свою лошадь быстрее по зеленому лугу. Рысью он въехал в большую аллею и у Пратерской звезды пересел в свой экипаж. Возле Фоссати он приказал кучеру остановиться, купил там букет великолепных темных роз и послал его Кларе. Позавтракав у себя дома, в своей квартире на Шварценбергерской площади, как всегда, в одиночестве, барон улегся на диван, весь охваченный пламенной страстью к Кларе. Чем были для него все другие женщины? Одной мимолетной забавой, рассеянием от скуки — не больше... И вот он предвкушал теперь день, когда Клара тоже ему скажет: «Чем были для меня все другие мужчины?.. Ты единственный и ты первый, кого я по-настоящему люблю». И лежа на диване с закрытыми глазами, он живо представил себе всю эту длинную вереницу ее поклонников. О, конечно, она никого до него не любила, а его, быть может, всегда и в каждом из них!..

Барон переоделся и медленно, как бы желая этим хоть на несколько мгновений отдалить и продлить радость нового и первого свидания, направился знакомой дорогой к дому Клары. На площади было много гуляющих, но однако уж чувствовалось, что сезон подходит к концу. И Лейзенбог радовался наступлению лета, и тому, что он уедет с Кларой любоваться горами и морем. Он даже должен был делать над собой усилия, чтобы не улыбаться от восторга и радости.

Барон остановился у окон Клары и заглянул туда. Послеобеденное солнце светило на стекла и ослепляло ему глаза. Он поднялся во второй этаж и позвонил у двери. Не отпирают. Он позвонил еще раз. Опять тихо и никого. И тут только заметил Лейзенбог висячий замок на дверях. Что это значит? Уж не ошибся ли он этажом? На двери у Клары не было дощечки, но на противоположной значилось, как всегда: «Обер-лейтенант Желесковиц». Нет сомнения в том, что он стоял перед ее квартирой, и квартира эта была заперта. Барон вмиг сбежал с лестницы и распахнул дверь в помещение швейцара. В полутемной камерке на постели сидела жена швейцара; один из ее мальчиков напряженно смотрел на улицу в подвальное окошко, а другой выводил на гребешке какой-то странный мотив.

— Разве фрейлейн Гелль нет дома? — спросил барон.

Женщина встала.

— Да, господин барон, фрейлейн Гелль уехала...

— Как? — воскликнул барон и потом, спохватившись, прибавил: — Ах, да... ведь она уехала в три часа...

— Нет, господин барон, барышня уехала в восемь утра...

— А куда, вы не знаете?.. Вероятно она поехала в Дрезден, — сказал он наугад. — Прямо в Дрезден...

— Не знаю, господин барон, она не оставила адреса. Барышня сказала, что потом напишет, где она...

— Так... так... да... да... конечно... Благодарю вас.

Он повернулся и вышел на улицу, но его влекло опять взглянуть на окна... В них, по-прежнему, ярко горели лучи отраженного вечернего солнца. Какой неприятный, удушливый зной стусился над городом!.. Клара уехала... Но почему?.. Неужели она от него убежала?.. И что значило это все? Он хотел было ехать в оперу, но потом вспомнил вдруг, что сезон окончен, и что Клара была уж свободна дня два.

Тогда он поехал на Мариагильфскую улицу, в дом № 78, где жили Рингейзер. Двери открыла старая кухарка и с оттенком недоверия взглянула на изящного посетителя. Барон попросил вызвать госпожу Рингейзер. «Дома ли фрейлейн Фанни»? — спросил он с волнением, которого уж не мог больше скрыть.